

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛИЗМА SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF REGIONALISM

Серия «Политология. Религиоведение»
2011. № 1 (6). С. 65–76
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 323(571.54)

Республика Бурятия в политико-модернизационных проектах федерального центра

Э. Д. Дагбаев

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Рассматривается трансформация региональной политической системы и политического режима Республики Бурятия за последние три года. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что политическая система и политический режим Республики Бурятия функционируют по принципу коммерческой корпорации, где президент является ее руководителем. Такая система обеспечивает политическую лояльность центру, но одновременно институализирует внутреннюю оппозицию.

Ключевые слова: институциональный дизайн, региональный политический режим, трансформация политического режима, политико-модернизационные проекты, электоральный цикл, корпорация.

Автор уже рассматривал на страницах «Известий Иркутского государственного университета» особенности трансформаций российских политических режимов в ряде регионов Байкальской Азии в постсоветский период [2]. Трансформация политических режимов связана как с установлением институтов и процедур политической демократии, так и с реставрацией прежних форм авторитарного правления на новой институциональной основе. При этом институциональный дизайн (т. е. соотношение политических институтов и институционального взаимодействия акторов) этих регионов, в частности, Республики Бурятия и бывших бурятских автономных округов, Усть-Ордынского и Агинского, имеют ряд сходств, связанных с отношениями и взаимодействиями политических институтов. Речь идет об органах региональной государственной власти, партиях, различных группах интересов и лоббистах, когда эти новые демократические институты воплощают собой традиционную практику наиболее влиятельных территориальных политических элит и политико-экономических групп. В этом и заключались специфические особенности институционального дизайна регионов Прибайкалья. Именно подобный институциональный дизайн выступает фундаментом политических процессов, в том числе согласования интересов и конфликтов меж-

ду группами, в рамках которых и происходит распределение и перераспределение власти.

В то же время существующие некие различия в институциональных взаимодействиях были обусловлены структурой элит, экономическими и социальными факторами.

На этот раз мы попытаемся исследовать, несомненно, новые черты в институциональном дизайне, проявившемся в политическом развитии Республика Бурятия за последние три года. В принципе, это можно назвать модернизационными процессами, даже неким радикальным отходом от традиционных черт региональной политики.

Главной предпосылкой устойчивости региональной политической системы при очевидной социально-экономической слабости региона (известный парадокс!) является наличие президентской формы правления, при которой любые формы политических водоразделов теряют актуальность, а экономическое положение региона (оно объективно, вызвано предшествующим развитием и рядом малопреодолимых факторов) нивелировалось ставкой центра на фигуру президента Бурятии. Для центра и региональной элиты он, несомненно, выступает в роли гаранта политической стабильности. Президентская форма правления не способствует ни развитию партий, ни конкуренции между группами. Даже в самой России полупрезидентская форма является одной из самых «президентских», а прямое руководство исполнительной властью позволяет наладить контроль над всем политическим пространством [3]. Именно благодаря институциональным возможностям и умелой политической стратегии и тактике президенту Бурятии Л. В. Потапову удалось создать моноцентрический режим, в котором политические сегменты элиты стали терять значение механизма политической борьбы. Анализ стабилизации политического режима во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х гг. показывает в качестве главных ее факторов усиление административных возможностей президента РБ по давлению на весь спектр политических сил, а также тесные патерналистские связи с лидерами различных корпоративно-профессиональных групп, включаемых им в среду политического класса. Консолидация политического режима стала основой президентской стратегии выведения из-под влияния партийной политики региональной политической системы. Показательно, что президент Бурятии, в отличие от других лидеров «красных» регионов, несомненно, пользовался поддержкой, по крайней мере, вынужденной со стороны Кремля. Очевидно, в первую очередь, из-за лояльности центру.

Данный региональный политический режим перестал устраивать федеральный центр к тому моменту, когда стало внедряться, по существу, назначение глав регионов, формально называемое «наделением полномочиями...». И даже обеспечивавшее политическую стабильность президентство Л. В. Потапова не удовлетворяло элитные группы Москвы. Они не хотели обременять себя обязательствами по бюджетному восполнению дотационного региона и непредсказуемыми для себя выборами. В какой-то момент они стали забывать и о том, что устойчивость положения главы региона в значительной мере

покоилась на следовании местным политическим традициям, в том числе и этническим, и культурным.

Разумеется, основными предпосылками новой политической ситуации стали политико-институциональные новации, направленные на унификацию регионов, усиление вертикали власти и обеспечение выполнения социально-экономических программ. Прежде всего, ключевое значение имели два из них. Во-первых, переход к назначениям глав регионов, хотя официально он назывался «наделением полномочиями по представлению Президента Российской Федерации». И, во-вторых, введенное в два этапа партийное законодательство, в соответствии с которыми отменялись региональные партии как самостоятельные единицы, расширялось обязательное число членов партий и вводились выборы в регионах (как минимум половины численного состава региональных легислатур) по партийным спискам. Впоследствии они дополнились введением партийных выборов на уровне местного самоуправления, введением института сити-менеджера и т. д.

Исследование опыта трансформации политической системы Республики Бурятия позволяет говорить о болезненной смене ее модели, поскольку наряду с общими трансформационными процессами они, по сути, разорвали некоторые этнополитические традиции за короткий промежуток времени. В общероссийском политическом тренде выделяется ряд разрывов, привнесенных в наш регион, некоторым образом перечеркивающих его автономность и своеобразие. Да и сама политическая система Республики Бурятия претерпела очевидную трансформацию в путинский период гораздо позднее, нежели в других регионах. Многолетний президент республики Л. В. Потапов был одним из последних, кто был смещен путинским решением. А выборы в Народный Хурал по партийным спискам состоялись только в декабре 2007 г., одновременно с выборами в Госдуму.

Итак, важнейшей предпосылкой, позволившей приобрести эти новые черты, стал приход «варяга» – президента, которым был назначен человек, не знакомый с республикой. Администрация Президента России не стала применять формулу отрешения в связи с тем, что Л. В. Потапов не ставил вопрос «о доверии», а дождалась окончания срока бурятского президента. В связи с этим возможности внутриэлитных взаимодействий в республике стали стремительно сужаться. Гадания «на кофейной гуще» о кандидатуре нового назначенца и одновременные лоббирования кандидатов-выходцев из республики, с одной стороны, и из кремлевских кругов, с другой, продолжались долго – примерно с полгода, всю первую половину 2007 г. Со временем выяснилось, что центр не слишком-то доверяет местным политикам: всплывавшие кандидатуры вроде Б. Золотарева, О. Бударгина и даже выходца из Бурятии, работавшего в ту пору заместителем министра природных ресурсов России В. Бавлова, свидетельствовали о поиске фигуры, не связанной с местной политической элитой. Наверное, не было случайным и то, что почти все претенденты по роду своей предыдущей деятельности имели хоть какую-то связь с освоением природных ресурсов, что говорило о борьбе различных групп влияния в центре. Все эти фигуры со всей очевидностью не устраивали мест-

ную политическую элиту. Из активных выступлений средств массовой информации было видно, что приход «варяга», как они считали, нарушит установившуюся конфигурацию политических сил, приведет к неясным перспективам, что выражалось словами «незнание специфики республики» и т. д.

Достаточно примечательно, что кандидатура на пост президента была представлена в самый последний момент и совершенно неожиданно для всех заинтересованных лиц. Само по себе назначение на пост президента В. Наговицына – первого заместителя главы администрации Томской области В. Кресса, включенного в число резервистов федерального центра, было достаточно спокойным, но не единогласным. Сказался политический прагматизм. Политическая элита республики была гораздо более заинтересована в наращивании возможностей сохранения своих постов и потому не желала вступать в противодействие с федеральными властями. Поддержав назначение фигуры – кандидата федерального центра, основные акторы сохраняли статус-кво, что в условиях вхождения нового крупнейшего регионального игрока было необходимым шагом на пути создания лояльного Президенту РБ политического окружения. В то же время президент РБ В. В. Наговицын в короткие сроки должен был подтвердить право занимать свой пост, причем основа его статусного утверждения должна была быть обеспечена победой «партии власти» на парламентских выборах обоих уровней.

Поначалу обещание В. В. Наговицына сохранить стабильность политического процесса и, соответственно, структуры политической элиты региона, было настороженно встречено в республике. Уход Л. В. Потапова с поста президента фактически нарушил систему патронажа, так как все существующие связи были завязаны на нем и соответственно были разорваны с его уходом.

Форсированному включению в региональную политическую среду В. В. Наговицын был обязан институциональным правилам административно-политической системы В. В. Путина. Однако этого в целом было явно недостаточно для того, чтобы заручиться поддержкой как региональных акторов и рядовых граждан республики, так и федерального центра. Его первым особым публичным проектом, выгодно представившим его в свете публичной политики, стало принятие амбициозной, правда, разработанной еще под руководством его предшественника, программы социально-экономического развития республики на период до 2017 г., в соответствии с которой республика должна достичь бездотационного состояния к концу обозначенного срока. Эти и другие экономические проекты были с особым энтузиазмом встречены в республике.

Отмена фактических выборов претендентов на пост президента РБ денонсировала статус Народного Хурала РБ, который из региональных институтов превратился в единственный, который может принимать независимые решения. При этом основным инструментом, способным оказать давление на главу региона, который, по определению, стал администратором – региональным менеджером, могли осуществить только организованные группы парламентариев, единственной формой консолидации которых стали полити-

ческие партии. Но только в том случае, если их формирование пошло бы по пути представления широких социальных интересов.

В то же время ряд инициатив нового президента РБ встретил скрытое противодействие. Так, не прошли сразу процедуру утверждения на пост министра финансов И. Ю. Шутенков, заместитель председателя правительства по экономике, прибывший из Москвы по рекомендации Администрации Президента РФ, А. Е. Чепик. Еще несколько фигур были сняты до голосования. Правда, политическая элита Бурятии спокойно отнеслась к очередной новации В. В. Наговицына по назначению ряда министров и обязательно первых заместителей министров представителей молодежи до 35 лет. Было понимание того, что новому президенту необходимо создание собственной команды. Одним из ключевых игроков новой команды стала прибывшая с В. В. Наговицыным журналист И. В. Смоляк, взявшая на себя функции главного пиарщика. Также не была одобрена предложенная президентом поправка в Конституцию РБ, суть которой сводилась к тому, что в момент отсутствия президента его обязанности должен был исполнять первый заместитель президента и главы правительства. В соответствии с Конституцией РБ, на момент временного отсутствия президента его обязанности выполняет председатель Народного Хурала. Причем как в том, так и в другом случае Президент выражал крайнее недоумение тем, что на предварительных смотрах в комитетах НХ никто не высказывал никаких претензий, но когда дело доходило до процедуры голосования, ранее принятые договоренности все участники переговоров попросту игнорировали.

Исключительно важным моментом, который должен был определить будущее политического процесса в регионе, стал план разработки избирательной кампании «партии власти», принципиальным пунктом в которой стала подготовка списка кандидатов «Единой России». Сам принцип составления списков политической партии является необычной моделью согласования интересов политических сил.

Наверное, есть смысл вернуться к началу электорального цикла – декабрю 2007 г., когда состоялись выборы депутатов Народного Хурала Республики Бурятия. К основным особенностям следует отнести то, что к региональным выборам были допущены далеко не все политические партии Бурятии. Перечень политических партий был опубликован в номере от 4 апреля 2007 г. в газете «Бурятия», и, в общем-то, правом участия в выборах депутатов НХ РБ четвертого созыва воспользовались 14 региональных отделений политических партий. Это были политические партии: 1) Демократическая партия России; 2) Единая Россия; 3) КПРФ; 4) СПС; 5) АПР; 6) Социалистическая единая партия России; 7) Партия социальной справедливости; 8) Партия возрождения России; 9) Справедливая Россия; 10) Яблоко; 11) ЛДПР; 12) Патриоты России; 13) Российская экологическая партия «Зеленые»; 14) «Гражданская сила».

Однако в процедуре выдвижения кандидатов участвовали только 9 политических партий: 1) Справедливая Россия (20 кандидатов); 2) ЛДПР (14); 3) Единая Россия (52); 4) СПС (5); 5) КПРФ (32); 6) Демократическая партия

России (9); 7) Гражданская сила (5); 8) Яблоко (5); 9) Патриоты России (11); всего 153 кандидата по единому территориальному округу. По ходу избирательной кампании выяснилось, что формально удовлетворяли требованиям закона списки только четырех политических партий – «Справедливой России» (СР), ЛДПР, «Единой России» (ЕР), КПРФ, а значит, фактически в Бурятии реально существуют четыре партии. Партийная конфигурация может состоять только из четырех элементов.

Согласно полученным результатам по пропорциональной части избирательной системы ЕР получила 22 мандата (62,87 %), по 4 депутатских места получили партии КПРФ (12,81 %) и СР (11,96 %) 3 мандата получила ЛДПР (8,57 %). Кроме того, в 27 одномандатных округах из 33 победу одержали кандидаты, выдвинутые от политических партий. 21 депутат был избран при поддержке партии ЕР, 5 депутатов при поддержке СР, один депутат был избран от КПРФ, 5 депутатов, завоевавших мандаты, выступили как самостоятельные игроки.

Так Народный Хурал – парламент Республики Бурятия – стал партийным. Но выборы продемонстрировали еще одну особенность – силу отдельных отраслевых «корпораций» в новых условиях расширенных избирательных округов. Двое из победителей представляли отрасль здравоохранения, что в условиях сельской местности, откуда они выдвигались, было тем фактором, который фактически заменил аналог мощной партийной машины. Не менее значимым стала победа кандидатов, представлявших три крупные региональные производственные компании – «Стамстрой», «Улан-Удэнскую макаронную фабрику» и «Мегафон». Последняя, может быть, была и незапланированной.

В то же время ход и итоги избирательной кампании показали «модернизационные новации», ранее не присущие Бурятии, они стали основой новой конфигурации политических сил.

Особо важным и принципиальным решением стал отказ от включения в списки «партии власти» бывшего президента Л. В. Потапова и спикера НХ А. Г. Лубсанова. В то же время В. В. Наговицын включил в список партии ряд крупнейших региональных игроков, которые могли бы выступать и как самостоятельные политические силы, тем самым консолидировал усилия по повышению электорального успеха партии.

Как предполагалось, наиболее шаткой оказывалась позиция первых и альтернативных президенту фигур в региональном пространстве. В данном случае это касалось фигуры действовавшего тогда мэра г. Улан-Удэ, срок полномочий которого также подходил к концу. Кардинальным образом могла измениться обстановка и в структуре управленческого звена «партии власти». В первую очередь, это касается обстоятельств включения в список Г. А. Айдаева, действующего мэра столицы республики, накануне выборов перешедшего в «Единую Россию» из Социалистической партии. Сохранило места в списках партии прежнее руководство партии, что явилось показателем стабильных ресурсных возможностей «партии власти», выработавшей за годы работы активный механизм организационно-массовой работы, и одновремен-

но – кадрового голода. В число первых лиц списка был также включен Б. Ц. Семенов, ранее вытесненный президентом Л. В. Потаповым из «обоймы» и лишь впоследствии вновь включившийся в политический процесс. Проходные места партийного списка также были зарезервированы за руководителями крупнейших предприятий республики, что послужило принципиальным показателем сохранения принципов патронажно-клиентелистской системы, действовавшей и ранее. В список «партии власти» также были включены главы муниципальных районов, которые не только поддержали нового президента, но и активно включились в процесс партийного строительства у себя на местах; ректора вузов, представители от молодежи, религиозных организаций.

В отличие от избирательной кампании по выборам мэра Улан-Удэ, партийные выборы в республике, как отметили большинство экспертов, можно было охарактеризовать как вялотекущие, причем эта характеристика относилась не в последнюю очередь и к «партии власти». Результаты, полученные «Единой Россией» на федеральных выборах (где партия набрала 66,07 %, тогда как на выборах в НХ РБ почти на 4 % меньше), оцениваются специалистами сдержанно.

Подведение общих итогов выборов по обеим частям избирательной системы привело к следующей расстановке сил: партия ЕР в Народном Хурале РБ получила 43 мандата (22+21); партия СР – 9 (4+5); КПрФ – 5 (4+1); ЛДПР – 3 (3); 5 составили группу независимых депутатов [1], которые, впрочем, впоследствии за исключением одного депутата пополнили ту же «Единую Россию». Можно констатировать, что впервые партийная система Бурятии обрела контуры классической партийной системы, квалифицируемой нами как однопартийная (многопартийность с доминирующей партией).

Новый принцип организации деятельности Народного Хурала РБ при фактическом абсолюте партийной представительности привел к кардинальной смене схемы руководства над его внутренней структурой. Показательным примером ее использования стала процедура выборов спикера, его заместителей, глав и заместителей комитетов НХ РБ. Изначально фигура спикера парламента прошла этап его представления и согласования выбора с федеральным центром. Наиболее подходящей фигурой стала кандидатура М. М. Гершевича, члена партии «ЕР», бывшего прокурорского работника. Причина такого выбора во многом была связана не только с желанием федерального центра закрепить механизм партийного доминирования «партии власти», но и планомерным распространением практики фактического «назначения» на этот пост представителей силовых органов и ведомств. Здесь также имела место и модель двойного контроля над исполнительной властью со стороны федерального центра.

В ходе голосования в качестве основной альтернативы ему была представлена кандидатура также «силовика», но лидера КПрФ В. М. Мархаева, отставного полковника милиции, участника боевых действий в Чечне. В ходе первого тура голосования за М. М. Гершевича проголосовало 28 парламентариев, за его основного оппонента В. М. Мархаева – 20, 14 депутатов воздер-

жались. Сложившееся положение вещей не могло устроить как президента РБ, так и федеральный центр в лице «Единой России», тем более что В. М. Мархаев представлял оппозиционную им КПРФ. В итоге М. М. Гершевич все же был избран.

Таким образом, региональные отделения политических партий воспринимаются ее членами не как идейно-организационная форма политической борьбы, а формальные группы с неформальными отношениями внутри них. Тем не менее они превратились в институционализированные механизмы контроля парламента, проводника политики президента, политической элиты в целом. При этом происходит явное ужесточение фракционной дисциплины и, как следствие, создается однопартийная система, где явно доминирует «партия власти». Но впоследствии также выяснилось, что единства в рядах «Единой России» достичь не удастся. Например, при обсуждении вопросов о предоставлении бюджетных гарантий сторонним (извне республики) компаниям достичь консолидированной позиции этой партии также не удалось.

В результате центру удалось сломать систему многосегментности политической элиты и внутриэлитной конкуренции в регионе, тем самым построить вертикаль власти, основанием которой является президент республики, фактически назначаемый центром. В то же время наметилась явная оппозиция пропрезидентским силам, которая до поры до времени была скрытой. Любопытно, что большая часть из ее персонального состава входит в состав все той же «Единой России». В институализированном порядке в оппозиции оказались «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР, представителей которых «единороссы» не допускали к важнейшим постам в парламенте. Это позволило по ряду позиций консолидироваться этим партиям, в принципе, далеким от сотрудничества. Так «партия власти» сама же и создала себе оппозицию.

Безусловно, электоральный цикл 2007–2008 гг., прошедший на всех уровнях в соответствии с новым законодательством, предполагающим смешанные выборы с применением партийных списков, в корне преобразовал политическую систему региона. Последующие выборы в системе органов местного самоуправления (МСУ) предельно структурировали региональное пространство муниципалитетов, также создав предпосылки партизации местного сообщества, что значительным образом усилило потенциал управляемости избирательной кампании, но усилило конфликтность и в местном сообществе. Партизация политической жизни республики явилось следствием целенаправленной политики федерального центра. Так, например, в проведенных 12 октября 2008 г. выборах глав и депутатов городских, сельских поселений было избрано 264 главы городских, сельских поселений, 2526 депутатов представительных органов городских, сельских поселений. Партийный принцип стал одним из главных на этих местных выборах. Из 265 избранных глав 149 представляют «Единую Россию», 2 – «Справедливую Россию», участвовавшие в выборах представители КПРФ и ЛДПР не прошли. 113 избранных глав являются самовыдвиженцами. Партийное представительство депутатов составляют: «ЕР» – 965 депутатов, КПРФ – 31, ЛДПР – 0, СР – 36, иные – 0, самовыдвиженцы (беспартийные) – 1494.

В представительном органе Улан-Удэ победа «единороссов» была не столь очевидной. В сельских районах этот показатель повсеместно за 60 %, за исключением г. Северобайкальска (около 50 %), Баунтовского района (32,17 %) и Улан-Удэ (39 %). По нашим наблюдениям, очевидного протеста против действующей власти не было, однако обращает внимание улучшение показателей КПРФ, а также «Справедливой России». В г. Улан-Удэ КПРФ набрала 25,5 %, СР – 20,3 %, ЛДПР – 9,45 %. Скромные результаты у ЕР по партспискам, куда прошли пятеро, в то время как у справороссов и коммунистов – по четыре. Однако в целом расклад сил в Улан-Удэнском городском совете также обнаруживает явное большинство «единороссов» – 14 из 26 депутатов.

Выборы в Улан-Удэнский горсовет практически завершили формирование партийности во всем политическом пространстве Бурятии. Партийная система воссоздана сверху донизу. В принципе, произошло институциональное закрепление партийности на уровне местного самоуправления. Отчасти местное самоуправление обрело устойчивый характер, тем более что большинство глав сохранили свои позиции. Парадоксальность ситуации в том, что даже в условиях доминирования одной партии, когда, казалось бы, должна снизиться реальная конкурентность, возникают альтернативы в лице кандидатов от других партий.

Партийность глав, несомненно, приближает модель местного самоуправления в Республике Бурятия к централизованной, когда органы местного самоуправления отчасти подконтрольны со стороны государственной власти, а правительство и партийные фракции в парламенте – партиям. В настоящее время можно утверждать, что цикл реформ местной власти в России, длившийся примерно полтора десятилетия, близок к завершению. В этой сфере на региональном уровне достигнут, как выражаются политологи, «новый эквилибриум», но он достаточно шаткий. В институциональном плане происходит максимизация централизованного контроля и отчасти передача ряда государственных функций на уровень местной автономии. Это связано с необходимостью проведения структурных реформ в сфере жилищно-коммунального хозяйства, укреплением бизнеса, заинтересованного в потребительских рынках.

В целом в Республике Бурятия наблюдается заметная тенденция в сторону функционирования региона как коммерческой корпорации, где президент является ее руководителем. Хотелось бы предостеречь, что здесь никакой оценки – ни хорошей, ни плохой. Вопрос заключается в том, в какой мере эти модернизационные сдвиги способны обеспечить не только экономические дивиденды, но и те, что лежат в области социокультурного и политического самочувствия жителей республики.

По законам рынка, ключевым элементом позиционирования становится формирование имиджа региона, его репутации в отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах, которая становится основополагающим фактором продвижения внешнеэкономических и политических проектов, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений.

Первый элемент новой стратегии – это поиск самого бренда или образа Республики Бурятия как конкурентоспособного региона. В полной мере проблему необходимости продвижения имиджа республики власти Бурятии осознали с назначением в 2007 г. нового президента республики В. В. Наговицына. Именно тогда вопрос о бренде, имидже республики был поднят на новый, более высокий уровень. В марте 2008 г. при президенте республики был создан Совет по формированию и продвижению имиджа Республики Бурятия, в состав которого вошли руководители ключевых министерств и ведомств, представители научной общественности, руководители СМИ и бизнеса.

Второй элемент формируемой региональной идентичности – привлечение внимания к Бурятии, в основном в туристских целях. К этой работе подключены, прежде всего, СМИ, использующие PR-технологии. Как ни банально, но главным средством привлечения внимания становится проведение различных массовых мероприятий регионального, всероссийского и международного уровня по определенным темам, включая научные конференции, форумы и т. д. Только за 2009 г. в Бурятии прошли четыре байкальских форума, которые можно рассматривать как брендовые проекты – образовательный форум, информационный форум, экономический форум, молодежный форум. К участию в них привлекаются известные и узнаваемые люди, обеспечивающие рекламу. Издаются глянцевого журналы и буклеты, расширяется новостное телевидение событий и достижений, интернет-технологии. Правительство обеспечивает прямую рекламу СМИ, которые освещают события.

Летом и осенью того же года в Бурятии была реализована крупная коммуникационная программа в федеральных СМИ по формированию имиджа Республики – проект «Миры на Байкале». Для реализации этого проекта правительством была привлечена компания, занимающаяся добычей полезных ископаемых. В рамках этой экспедиции глубоководные аппараты «Мир-1» и «Мир-2» совершили около 160 погружений в воды оз. Байкал с целью изучить его геологические и экологические характеристики. Руководителем экспедиции стал исследователь Арктики и Антарктиды, ученый-океанолог А. Чилингаров.

В 2009 г. очень много внимания уделялось позиционированию Бурятии на межрегиональном и международном уровнях. Президент Бурятии В. В. Наговицын сказал об этом прямо: «Необходимо так представить республику, чтобы это событие надолго запомнилось в нашей стране, и другое условие – целесообразность. Это – связь позиционирования республики с нашим стратегическим социально-экономическим развитием. Нам надо показать современную Бурятию, ее инвестиционную привлекательность, инновационное развитие и богатейшую культуру. Правильно сформированный имидж – это инвестиции в экономику, развитие туризма, высоких технологий, в конце концов, это лучшая жизнь каждого жителя этой территории» [4]. К событиям того же ряда можно отнести открытие 3 марта 2009 г. в Совете Федерации Дней Бурятии. В рамках традиционного «Часа субъекта Российской Федерации» выступили председатель верхней палаты парламента С. Миронов, пре-

зидент Бурятии В. Наговицын и председатель Народного Хурала Республики Бурятия М. Гершевич. Руководители республики дали пресс-конференцию для журналистов федеральных СМИ. В большом холле Совета Федерации была развернута экспозиция, рассказывающая о республике, с которой смогли познакомиться все сенаторы и посетители верхней палаты парламента России.

В течение 2009 г. в г. Улан-Удэ прошли следующие мероприятия («специальные события»): Межрегиональная выставка-ярмарка «Стройка-2009», Региональный инвестиционный форум, Межрегиональная автомобильная ярмарка, Международный семинар-совещание «Геополитическое взаимодействие в Азии и месторождения полезных ископаемых (стратегические интересы России и национальная безопасность Монголии)», Улан-Удэнская универсальная международная ярмарка, Межрегиональная выставка-ярмарка «Медицина. Здравоохранение–2009», «Байкальский информационный форум», Межрегиональное совещание ассоциации органов социальной защиты населения Сибирского федерального округа, Международный музейный форум «Озерные люди-2009», Международная конференция «Экономические приоритеты Байкальского региона в азиатской геополитике России», Международная конференция «Современные проблемы землепользования в Байкальском регионе», Международная экономическая конференция в рамках Байкальского экономического форума, Выездное заседание Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по природным ресурсам, природопользованию и экологии, Межведомственной комиссии по охране озера Байкал [5].

С точки зрения новой региональной идентичности Бурятии, где серьезно до сих пор не занимались продвижением своего бренда, значительно усилила собственное своеобразие.

Специальным проектом стало и готовящееся празднование 350-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства, оргкомитет возглавил министр финансов РФ А. Кудрин. Слоганом этого мероприятия станут слова «Вместе сквозь время». Регион делает попытку закрепиться в качестве приграничной территории, исторически выполнявшей важные функции в сфере безопасности.

Именно это событие должно обеспечить и политическую лояльность центру, и обеспечить выделение из федерального бюджета средств на строительство социальных объектов.

Таким образом, политический режим Республики Бурятия претерпел очевидные изменения, связанные с функционированием региона как корпорации, управляемой вертикальным образом, но с одновременной институализацией оппозиции. «Творцом» такой стратегии, безусловно, является федеральный центр, увязывающий политическую лояльность и экономическую поддержку российским регионам.

1. Выборы депутатов Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва (2008 год). – Улан-Удэ : Республ. тип., 2008.

2. *Дагбаев Э. Д.* Институциональная трансформация в политическом пространстве региона // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – Иркутск, 2009. – Т. 1 (3). – С. 142–152.

3. *Зазнаев О.* Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. – 2007. – № 2.

4. Имидж республики формируется всеми нами [Электронный ресурс]. – URL: www.egov-buryatia.ru

5. План выставочно-ярмарочных, конгрессных мероприятий на 2009 год, проводимых с участием исполнительных органов государственной власти [Электронный ресурс]. – URL: www.mongolia-buryatia.ru

1. Elections of deputies of National Khural of The Republic of Buryatia of the IV convocation (2008). – Ulan-Ude : Republican printing house, 2008.

2. *Dagbaev E.* Institutional transformation in the political space of the region // The News of the Irkutsk State University. "Political Science and Religion Studies". – Irkutsk : Publishing company of the ISU, 2009. – Vol. 1(3). – P. 142–152.

3. *Zaznayev O. D.* Indexed analysis of the half-presidential European states and post-soviet territory // Polis. – 2007. – N 2.

4. The Republic image is being formed by everyone [Electronic resurs]. – URL: www.egov-buryatia.ru

5. Calendar of exhibition-trade fair, congress activities for 2009, held together with executive board of state political authority [Electronic resurs]. – URL: www.mongolia-buryatia.ru

The Republic of Buryatia in Political-Modernizational Projects of the Federal Center

E. D. Dagbayev

Buryat State University, Ulan-Ude

The article considers transformation of the regional political system and political regime of the Republic of Buryatia over the last three years. The author analyses the institutional structure changing, which from one hand is obtaining modernization features, from another hand is conserving traditional authoritarian elements of distribution of authority. In this process there're two institutional novations that have key value: pass to the actual appointment of the government executives of regions and leading party formation in order to control the central structure of regional policy. The performed analysis revealed that political system and political regime of the Republic of Buryatia functions in terms of commercial corporation approach led by the president. Such a system ensures the political loyalty to the center, although institutionalizes simultaneously internal opposition.

Key words: institutional structure, regional political regime, political regime transformation, political-modernizational projects, electoral cycle, corporation.

Дагбаев Эрдэм Данзанович – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: edagbaev@mail.ru

Dagbayev Erdem Danzanovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Political and Sociological Sciences, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: edagbaev@mail.ru